

КУЛЬТУРА

*А.В. НАЗАРОВА***Россия как отчий дом:
идеи Л.Н. Толстого
в Русском зарубежье
(Роман-хроника Е.Н. Чирикова
“Отчий дом”)**

В статье рассматривается проблема творческой рецепции художественного и духовного наследия Л.Н. Толстого писателями Русского зарубежья, в частности Е.Н. Чириковым.

Ключевые слова: творческая репетиция, художественное наследие, Русское зарубежье, Лев Толстой, Евгений Чириков.

The article examines the problem of creative reception of artistic and spiritual legacy of L.N. Tolstoy by the writers of Russian foreignness, in particular by E.N. Chirikov.

Keywords: creative reception, artistic legacy, Russian foreignness, Leo Tolstoy, Evgeny Chirikov.

Вынужденный отрыв от родины в результате событий революции 1917 г. и последующей Гражданской войны, необходимость существовать в чужом языковом пространстве поставили перед русскими беженцами драматический вопрос о способах сохранения национальной идентичности и восстановления связи с утраченной родиной. Именно поэтому в эмиграции необычайно важной стала проблема нравственного авторитета, способного объединить вокруг себя рассеянные силы и служить моральным ориентиром в условиях распада привычных ценностей. С этой точки зрения ключевой для русских эмигрантов стала фигура Л. Толстого, являвшего собой пример именно такого жизненного и творческого поведения. Еще в самом начале творческого пути Толстой заявлял, что не стремится к славе на литературном поприще и не считает себя профессиональным литератором, но жаждет “принимать большое влияние в счастье и пользе людей” [Толстой, 1984, с. 242].

Чувство глубокой личной ответственности за все происходящее, будь то судьба крепостного крестьянства, голод, смертная казнь, война, пронизывало творчество писателя. Заявляя, что ему «стыдно, когда подумаешь: люди плачут, умирают, женятся, а я буду писать, “как она его полюбила”» [Толстой, 1979, с. 477], Толстой свою задачу видел не в служении высоким идеалам искусства, а в нравственном воздействии на человека, его “перевоспитании” посредством литературы. Писатель верил, что самые важные перемены, способные положить начало глобальным изменениям в мире, совершаются именно в человеческой душе, где живет данная каждому индивиду от

природы потребность в правде и доброте. На этом убеждении строилось религиозно-философское учение Толстого, в котором он проповедовал “всеобщую любовь”, непротivление злу насилем, духовное и нравственное самосовершенствование.

Толстовские идеи получили широкий отклик как в дореволюционной России, так и впоследствии во всем мире, повлияв, например, на формирование “философии ненасилия” одного из руководителей и идеологов национально-освободительного движения Индии М. Ганди, с которым Толстой состоял в переписке. Самоисправление и самосовершенствование, в свою очередь, открывают человеку путь к единению с другими людьми, что, по убеждению писателя, в перспективе ведет не только к возрождению народа, но и всего человечества. Такая позиция Толстого была глубоко созвучна настроению русских эмигрантов, предпринимавших за рубежом попытки собрать рассеянный по территории многих государств национальный Дом. Поэтому неудивительно, что в 1920–1930 гг. фигура Толстого занимала в общественном сознании русской эмиграции особое место.

В первой половине 1920-х гг. в зарубежье переиздаются многие дореволюционные работы о Толстом. Так, в 1921 г. в Софии выходит книга П. Струве “Статьи о Лье Толстом”, в 1923 г. в Берлине – книги Л. Шестова “Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше” и М. Алданова “Загадка Толстого”. С проблемными статьями о личности и творчестве писателя в этот период выступают видные литературные деятели эмиграции – А. Амфитеатров, К. Бальмонт, З. Гиппиус; анализу религиозно-философских поисков Толстого свои лекции посвящают Н. Бердяев, В. Зеньковский, Н. Лосский. Публикуется большое количество воспоминаний о Толстом, в том числе и эмигрировавших детей писателя – Т. Сухотиной-Толстой, Л. и А. Толстых, а крупнейшим появившимся в эмиграции исследованием жизни писателя становится книга И. Бунина “Освобождение Толстого” (вышла в 1937 г. в Париже). В 1928 г. в Берлине, Праге и других центрах русского рассеяния широко отмечалось столетие со дня рождения Толстого, проходившее, по замечанию некоторых скептиков, с “оглядкой” на Советскую Россию. В эмигрантских газетах и журналах активно перепечатывались материалы об издаваемом в СССР юбилейном собрании сочинений Толстого, появлялись сведения о редколлегии этого издания и отклики на прошедшие в Советской России мероприятия, связанные с празднованием юбилея писателя.

В то же время нельзя не отметить существовавшего в стане русской эмиграции критического отношения к фигуре Толстого, чьи нравственно-религиозные проповеди сыграли, по мнению некоторых исследователей, далеко не последнюю роль в разрушении России. Так, в 1925 г. И. Ильин опубликовал в Берлине книгу “О сопротивлении злу силою”, в которой называл нравственную теорию Толстого одной из сильнейших идейных ошибок, поскольку непротivление злу есть “самопредание злу”. П. Струве писал, что Толстой оказался одним из “самых мощных разрушителей нашего старого порядка” [Струве, 1921, с. 22]. Ф. Степун в предисловии к книге “Встречи” отметил в учении Толстого двусмысленную перекличку “между его анархической этикой и большевистским отрицанием всякой этики” [Степун, 1998, с. 5]. А в 1955 г. в Нью-Йорке вышла книга профессора и доктора медицины Д. Котсовского “Достоевский, Толстой и революция”, где говорилось о непосредственном вкладе двух крупнейших писателей в подготовку “русского бунта”.

Тем не менее подобные оценки не смогли поколебать в глазах русской эмигрантской общественности авторитет Толстого. Более того, именно в Русском зарубежье была предпринята одна из самых серьезных попыток осмысления толстовских философских идей. Она принадлежит Е. Чирикову (1864–1932) – широко известному еще в дореволюционной России писателю, который в эмиграции подхватил эстафету духовного наследия Толстого. Покинув Россию в конце 1920 г., после долгих скитаний желанное пристанище художник обрел в Чехословакии, где стал известен и любим, пожалуй, как ни один другой русский писатель. До конца своих дней Чириков был глубоко признателен чехам за их доброжелательное к нему отношение. Более того, свой роман “Зверь из бездны”, который в 1924 г. вышел на чешском языке и лишь спустя два года на русском, автор в знак благодарности за полученные “братский приют и

возможность писать” посвятил чешскому народу. Чехам же пришлось по душе “стыдливая муза”, “чистота душевная” и “обожание семьи” русским писателем, чей портрет был выставлен в витрине фотоателье в самом центре Праги [Михайлова, 2000, с. 33].

Интересно обратить внимание на такое мнение: 4 октября 1925 г., находясь в Чехословакии, Б. Лазаревский зафиксировал в дневнике свое негативное мнение об этой стране, аргументировав его следующим образом: “Страна, в которой Е.Н. Чириков – это Лев Толстой, а Вас. Немирович-Данченко – это Достоевский. Я бы не хотел быть там Мопассаном даже” [Русская Прага, 2001, с. 313]. Если оставить в стороне причины иронического отношения Лазаревского к Чирикову, это сравнение представляется по меньшей мере любопытным. В то же время, свидетельствует статистика Русского народного университета за 1923–1927 гг., романы Чирикова в пражских публичных библиотеках пользовались наибольшим спросом читателей после произведений Ф. Достоевского и Л. Толстого [Бобырь, 1993, с. 280]. Едва ли данный факт – случайность. Напротив, можно предположить, что читатели, среди которых было много эмигрантов из России, воспринимали писателя как прямого наследника традиций двух классиков русской литературы, и он сам ощущал себя таковым.

Пристальный интерес Чирикова к толстовской философской концепции возник еще в 1910-е гг., когда глубокий духовный кризис высветил перед писателем бессмыслицу всей его прежней жизни. И с этой точки зрения нельзя не отметить (при всей разнице происхождения и исходных творческих принципов Толстого и Чирикова) определенное сходство биографического порядка. Каждый из художников (Толстой в конце 1870-х; Чириков, как он сам выражался, после “искусственно созданного большевиками безумства” [Чириков, 1993, с. 367] в 1905 г.) прошел через мучительные сомнения и поиски, в результате чего родилось новое мировосприятие, фундаментом которого стала религия. Толстой, как известно, по-своему толковал смысл христианства и создал особую ветвь христианского вероучения – толстовство, где главным стало освобождение православия от внешней догматики и церковной ритуальности. Чириков не стремился реформировать христианское вероучение, он остался в русле традиционного исторического христианства, что на фоне всевозможных религиозных трансформаций того времени выглядело даже инновационно. Но, как и Толстой, Чириков в этот период обращается к вопросу о нравственном стержне внутри человека, а в качестве основы жизненного поведения утверждает религиозное очищение. В первую очередь с этих позиций осмыслил собственный жизненный путь, он начинает работать над большим автобиографическим романом “Жизнь Тарханова” (первые три книги – “Юность”, “Изгнание”, “Возвращение” – вышли в 1911–1914 гг. в Москве, последняя – “Семья” – появилась в 1925 г. в Праге), в котором, проследившая становление творческой личности и общественную деятельность писателя Геннадия Тарханова, тем самым уясняет свои прежние ошибки и заблуждения и кается в них. Неудивительно поэтому, что опорой при создании этого произведения для Чирикова послужила толстовская традиция исследования внутреннего мира человека, его знаменитая “диалектика души”.

Хотя, как отмечали критики, Толстой не создал собственной литературной “школы” [Морозов, 1911, с. 252], факт воздействия его творчества на многих писателей, вступивших в литературу на рубеже XIX–XX вв., не подлежит сомнению. Наиболее заметное толстовское влияние сказалось на произведениях И. Бунина и А. Куприна. Первого с Толстым роднила близость мировосприятия, которое можно условно назвать “философским пантеизмом”. Но если Толстой (до кризиса 1880-х гг.) понимал жизнь как целостную гармоничную систему, с ее необходимым элементом – естественным, неиспорченным цивилизацией человеком, то Бунин ощущал антиномичность мира: сосуществование в человеческой жизни “прекрасного” и “ужасного”, стремление к любви и счастью и их недостижимость [Спивак, 1967, с. 25, 47]. А в повестях и рассказах Куприна критики отмечали “раннетолстовское” “любование силой, мощью, красотой и здоровьем органической жизни, физиологическое ощущение красоты и радости земного бытия” [Русская литература... 2001, с. 598]. Однако чаще других в ряду “последователей” Толстого рецензенты называли имя А. Чехова. Например, в его рассказах “Именины” и “Скудная история” они видели прямое подражание “Смерти Ива-

на Ильича” [Р.Д... 1889; Аристархов, 1889; Николаев, 1889; Струнин, 1890], а “Палату № 6” расценивали как прямой “отголосок” толстовской проповеди о непротавлении злу насилием. Впрочем, как заметил по этому поводу один из критиков, Толстой – “такой колосс, что не отозваться на него значило бы высказать художественную нечувствительность” [Краснов, 1895, с. 210].

Сомнения и разочарования, ошибки и падения, прозрение и духовное возрождение, свойственные героям Толстого, сопутствуют душевному становлению начинающего писателя Геннадия Тарханова. Подобно толстовскому Николеньке Иртеньеву, автобиографический герой Чирикова проходит через ряд искушений (революционной деятельностью, писательской славой, любовью и т.п.), выявляющих его нравственную суть. Чириков так же, как и Толстой, не приемлет лицемерия, фальши и позерства, поэтому сознательно выбирает такие ситуации, когда отрицательные качества, свойственные Тарханову, проявляются особенно ярко. Тем самым художник добивается максимальной объективности при создании психологического портрета своего персонажа. Так, польщенный признанием влюбленной в него девушки, Тарханов воображает себя искушенным в сердечных делах донжуаном, упиваясь тем, как ловко у него получается “хорошо говорить и ошеломлять своей начитанностью и остроумием”. В то же время Геннадий отчетливо понимает, что ведет себя “глупо и неуместно”, и стыдится своих поступков: “она пришла ко мне с тоской и горем, надеялась, что я помогу чем-нибудь, а я наговорил умных слов и приложился к ручке” [Чириков, 1913, с. 109–110]. Позднее, став известным, увенчанным лаврами бескомпромиссного обличителя любого произвола и несправедливости писателем, Тарханов чувствует, что потратил свою жизнь на бессмысленную болтовню и беготню по разным комиссиям и совещаниям и не создал ни одного стоящего романа или повести. Геннадий мучается от осознания того, что ошибся в выбранном поприще, и, решив отказаться от писательского труда, ищет спасения от отчаяния и тоски.

Внутренний разлад каждый раз подталкивает героя к самоанализу, который помогает Тарханову беспристрастно смотреть на себя со стороны. Постепенно осознавая свои ошибки, он стремится к их искуплению. Так возникают предпосылки нравственного роста, что в итоге приводит Тарханова к духовному перерождению. И “спасательным кругом”, позволяющим не утонуть в водовороте уныния и ощущения безнадежности жизни, для Геннадия становится семья, тепло человеческих отношений и уют родного дома, в которых, пережив некогда тот же кризис, нашел спасение сам Чириков.

Здесь можно провести еще одну параллель с биографией Толстого, как известно, несколько раз предпринимавшего попытки оставить литературу, а в конце жизни полностью отказавшегося от писательства. Если в 1860-х гг. радости и заботы семейной жизни помогали Толстому преодолеть состояние душевной опустошенности, поразившей его после смерти брата Николая, то в 1870-е он ясно увидел, что семейное счастье – мнимое или, по крайней мере, временное спасение от страшного ощущения бессмысленности бытия.

Вообще толстовская “мысль семейная” становится одной из ведущих тем в эмигрантском творчестве Чирикова, которому был глубоко созвучен заявленный Толстым в “Войне и мире” тезис о том, что найти убежище от жестокой и бесчеловечной действительности человек может только в лоне своей семьи. Но, исследуя так называемую “трагедию беженства” (когда Гражданская война, ввергнув в пучину всеобщей ненависти миллионы людей, среди которых оказались сам писатель и его семья, заставила их бежать с насиженных мест и скитаться в поисках крова), Чириков решает проверить жизнеспособность этого толстовского утверждения в новых условиях, чему посвящает книгу “Мой роман” (1926). На фоне тотального обесценения и разрушения всех привычных человеческих отношений единственным островком доверия и любви становится “фиктивная” семья беженцев Ивана Петровича и Вероники. Пережитые страдания и необходимость жить под одной крышей сплачивают героев “какой-то новой близостью”, в результате которой их вынужденное “сожительство” превращается, по словам Ивана Петровича, “как бы в настоящие, в подлинный брак и семью” [Чириков, 1926, с. 111].

Созданный Чириковым в романе “духовный союз”, основанный на целомудрии и братско-сестринской любви, оказывается близок толстовскому пониманию семьи, в которой художник видел не только и не столько кровное, сколько духовное родство. Свою мысль Толстой доказывал в эпопее “Война и мир” на примере семейств Болконских и Ростовых, обладающих крепкой духовной общностью, которым художник противопоставлял духовно “мертвых” Курагиных, где отца и детей объединяла лишь формальная связь, основывающаяся на стремлении завоевать положение в обществе и завести нужные связи.

Но, несмотря на взаимную симпатию и глубокое доверие Ивана Петровича и Вероники, их “мифическая” семья, лишенная всех подлинных атрибутов “семейной общности”, как показывает Чириков, оказывается лишь видимостью, “прекрасной иллюзией”, рассыпающейся от малейшего вмешательства извне. Более того, однажды выдав себя за супругов, Иван Петрович и Вероника вынуждены постоянно разыгрывать перед глазами окружающих “настоящую” семью, ежеминутно пребывая в страхе от возможного разоблачения. И когда факт подлога все-таки вскрывается, их жизнь превращается в подлинный кошмар, они вынуждены бежать в другой город, спасаясь от сплетен и пошлых намеков. Окончательно “семейное счастье” Ивана Петровича и Вероники разрушает ее считавшийся ранее погибшим жених Владимир Раевский, который увозит Веронику и ее маленькую дочь, перед этим до полусмерти избив Ивана Петровича.

А в романе “Зверь из бездны” (1926) Чириков показывает, как ворвавшиеся в жизнь семьи чудовищные обстоятельства против воли превращают буквально каждого ее члена в палача своих родных и близких. Писатель рисует семью Паромовых, члены которой стремятся из разных уголков охваченной кровопролитием страны в Крым, чтобы укрыться от ужасов Гражданской войны в “маленьком белом домике с колоннами”. Но война врывается и туда, толкая живущих в нем людей на измены и предательства. В результате почти все члены семьи Паромовых погибают, оставшиеся же в живых женщины и ребенок покидают разоренное семейное гнездо, уходя навстречу неизвестности.

Наблюдая ужасы Гражданской войны (а до этого и Первой мировой), Чириков безоговорочно принял толстовский тезис о “непротивлении злу насилием”, сделав акцент именно на отрицании насилия как такового. Убийство – одно из тягчайших преступлений в христианском “кодексе” – “каиновой печатью” ложится и на душу персонажа “Зверя из бездны”, белогвардейца Владимира Паромова. Спасаясь от погони, он вынужденно убивает раненного им красноармейца, но впоследствии не может смириться с сознанием того, что обогрил свои руки кровью. Его постоянно преследует синий застывший глаз убитого (здесь вступает в силу физиологизм “Севастопольских рассказов” Толстого), который как будто спрашивает: “За что меня, уже бессильного и безвредного, ты убил?” [Чириков, 2000, с. 496–497]. Любая война, убежден писатель, пробуждает в глубине человеческой психики звериные инстинкты. Легкость и безнаказанность человекоубийства пьянит даже самых благородных людей настолько, что они забывают те идеи, во имя которых брались за оружие [Михайлова, 2000, с. 30]. Так происходит с братом Владимира Паромова Борисом, который, оправившись от ранения, рвется обратно на фронт, поскольку, по его словам, не имеет морального права отсиживаться в тылу, когда гибнут его друзья. В действительности же им руководят только всепоглощающая ненависть и “жажда кровавого отмщения” большевикам, убийство которых превратилось для него в профессию.

И в этом Чириков расходится с позицией Толстого, различавшего войны захватнические и освободительные и, понимая необходимость защиты Отечества, признавал справедливость последних. Более того, прославляя народный характер войны 1812 г., Толстой по-своему оправдывал действия людей вроде Тихона Щербатого, который предпочитал не брать в плен, а просто убивать французов. Этот образ как бы олицетворял для писателя ту “дубину народной войны”, которая со страшной силой “гвоздила” захватчиков “до тех пор, пока не погибло все нашествие” [Толстой, 1981, с. 131].

Чириков же в “Звере из бездны” показал, что в условиях Гражданской войны, когда брат идет на брата, очень быстро забывается, кто и под каким флагом начинал воевать, поскольку в конечном итоге оружие всегда разворачивается против своих же сторонников. Яркий пример тому – красногвардеец Ермишка, который с легкостью меняет убеждения и, как только его жизни начинает угрожать опасность, переходит из стана красных в стан белых и наоборот, оправдывая свои перебежки тем, что теперь “такое время”: куда ни пойдешь – всюду расстреляют.

Последовать же толстовскому призыву “отойти от зла и сотворить благо” не получается ни у одного из героев, поскольку всеобщая “мясорубка” затягивает все большее и большее количество невинных людей. Как замечает сосед Владимира Паромова по госпиталю, “сунут в руки винтовку, а сзади пулемет поставят: иди, убивай! ... а ты научи, как отойти!” [Чириков, 2000, с. 529]. Паромов, а вместе с ним и автор, ищет путь, который избавит его от необходимости убивать, и приходит к выводу, что изгнать зверя из души может только любовь к ближнему. Тем самым Чириков соглашался с толстовским тезисом “Царствие Божие внутри нас”, но замечал, что логика самой жизни не позволяет людям соответствовать этим религиозно-этическим требованиям, поскольку, создавая их, Толстой не мог предвидеть в будущем Гражданской войны в России.

В семейной хронике “Отчий дом” (1929–1931), обратившись к исследованию предпосылок трагедии, сломавшей миллионы судеб русских людей, Чириков подытожил свои размышления над толстовскими идеями. Замысел этой книги, воссоздающей панораму общественно-политической и культурной жизни России на переломном этапе конца XIX–начала XX в., можно сопоставить с идеей романа “Война и мир”, который первоначально был задуман Толстым как исследование об истоках декабристского движения. Тогда Толстой обратился к эпохе Отечественной войны 1812 г. и даже к еще более раннему периоду, определившему бунтарские настроения будущих дворянских революционеров. Подобный внутренний импульс руководил и Чириковым. Размышляя о том, кто или что толкнуло Россию в омут братоубийственной бойни, писатель предложил внимательно всмотреться в прошлое своей страны. Корень бед виделся ему в деятельности революционных фанатиков, начавшейся в “Народной воле”, а затем продолжившейся в размножившихся в конце XIX и начале XX в. левых партиях. Утверждая, что цель оправдывает любые средства, а политическое убийство не только допустимо, но и является необходимым инструментом борьбы с несправедливым государственным устройством, революционеры тем самым преступили все нравственные законы и ввели русскую совесть “в неопишное смущение”. В то же время не менее суровый счет в романе предъявляется и представителям самодержавной власти, и ее оплоте – консервативному дворянству и либеральной интеллигенции, внесшим своими действиями, по мнению писателя, существенную лепту в разрушение страны. И, возлагая ответственность за все произошедшее с Россией на конкретных людей, Чириков тем самым спорит с исторической концепцией Толстого, считавшего, что ход истории – процесс бессознательный и стихийный, не может зависеть от желания или расчета какого-либо отдельного лица.

“Войну и мир” Толстой создавал в 1860-е гг., когда после смерти Николая I и воцарения Александра II, вошедшего в историю своими реформами, общество оказалось перед необходимостью решения: кто и каким способом поведет страну вперед, кто может и должен находиться во главе этого процесса – дворяне или разночинцы, либералы или революционеры? Толстой решающую роль в историческом процессе признавал только за “роевой жизнью” народа, правители же, вожди, исторические деятели воспринимались им всего лишь как “рабы истории”. Именно поэтому он обратился к одному из важнейших событий в судьбе России – Отечественной войне 1812 г., на примере которого хотел доказать, что характер русского народа способен с одинаковой силой проявить себя как в мирной, повседневной жизни, так и в большом эпохальном действии.

Утверждение “мысли народной” определило ракурс, с которого Толстой осмысляет истинное содержание поступков персонажей эпопеи. Художник, преуменьшая значение частных решений конкретных военачальников и государей, подчеркивает, что результат того или иного события складывается из неосознанных действий множества людей, объединенных общим чувством, настроением. Так, жители Москвы, оставляя город, “уезжали каждый для себя, а вместе с тем, только вследствие того, что они уехали, и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа” [Толстой, 1980, с. 290]. Однако способность улавливать эти народные порывы, подчиняя им все свои мысли и поступки, становится для Толстого главным критерием оценки исторической личности. Кутузов – действительно “величественная фигура” потому, что понимает свою истинную роль в происходящих событиях, чувствует устремления подчиненной ему армии и всего народа и умеет подчинять им личные интересы и желания. Наполеон же со своими претензиями “наказать народы” оказывается смешон, поскольку не осознает собственной малости и ничтожности по сравнению с теми огромными массами людей, которые намеревается покорить.

Оценивая образ Наполеона, критики неоднократно упрекали Толстого в отступлении от исторической достоверности и в целом необъективно-предвзятом отношении к французскому полководцу. Однако мало кто понял глубинный замысел писателя, заключающийся в стремлении развенчать культ “великих героев”. Наполеон предстает тщеславным, самовлюбленным и неумным человеком, в котором нет ни единой живой, естественной черточки, поскольку он убежден, что необходимость “ослеплять и изумлять”, “красивые” слова и величественная поза всегда должны сопутствовать образу великого человека. Но эта “игра в великого полководца” отняла у Наполеона настоящую жизнь, любовь, семью, дружбу, чувство прекрасного и т.д., именно поэтому в глазах Толстого Наполеон предстает не великим, а несчастным, неполноценным человеком с искаженным представлением о себе и окружающем мире. Толстого не могло не тревожить охватившее современное ему общество 1860-х гг. восхищение такой фигурой. Российское общество видело в биографии Наполеона соблазнительный пример того, как, полагаясь лишь на собственные силы и удачу, человек из низов сумел сделать головокружительную карьеру. Культ индивидуалистических устремлений отвечал открытой эрой капитализма эпохе самостоятельности и самонадеянности. Толстой же восстал против этой безнравственной модели человеческого поведения и решил показать, что в борьбе за власть и могущество Наполеон, если того требовали его интересы, пользовался недостойными средствами (вплоть до развязывания бессмысленных войн), руководствуясь принципом “победителей не судят”. Именно в распространении этого убеждения (так называемой “наполеоновской идеи”) среди представителей образованных слоев российского общества Толстой видел угрозу для будущего России, поскольку считал, что ни одна благая цель не может быть достигнута безнравственными средствами.

В эпопее “Отчий дом”, охватывая период с начала 1880-х до 1905 г., Чириков описывает жизнь дворянской семьи князей Кудышевых, каждый член которой олицетворяет “различные направления общественно-политической мысли” [Литературная... 1997, с. 612] – консервативное дворянство, народничество, народовольчество, толстовство и марксизм – и имеет “штат” единомышленников. А постоянные споры и скандалы, порой доходящие до открытой ненависти, как бы в миниатюре отражают разрушительные процессы, начавшиеся в России с 1880-х гг. и приведшие, по убеждению писателя, к распаду “общего национально-государственного отчего дома”. Предпосылку же тотального разъединения людей Чириков видел в трагическом разрыве народа и интеллигенции, либеральные и революционные теории которой о способах справедливого общественного переустройства оказались глубоко чужды чаяниям русского народа.

Здесь нельзя не вспомнить изображенную Толстым в “Войне и мире” тотальную разобщенность накануне наполеоновского нашествия дворянского и крестьянского миров, которые оказались разделены не только социальными и культурными, но даже

языковыми барьерами. Однако способность преодолеть узкий круг личных и сословных интересов перед лицом опасности привела лучших представителей дворянства к взаимопониманию и единению со своим народом (недаром высшей похвалой Андрею Болконскому становится данное ему простыми солдатами прозвище “наш князь”), что стало, по убеждению Толстого, залогом победы в Отечественной войне. И в этой спаянности художник видел условие сохранения и возрождения страны в переломный для российской истории момент, когда “переворотился” вековой крепостной и начал “укладываться” новый капиталистический строй. Но эти надежды не оправдались, и, как показал Чириков в своем романе, в конце XIX в. российское общество окончательно утратило последние крупницы этого единства и согласия, разделившись на два непримиримо враждебных лагеря.

Недоверие крестьян по отношению к образованным людям, по мнению Чирикова, было спровоцировано, в первую очередь, самой же интеллигенцией и ее привычкой решать “судьбы мужицкого царства без мужика” [Чириков, 1931^a, с. 4]. Так, Кудышевы и их гости постоянно говорят “о необходимости коренной земельной реформы, народного просвещения и превращения мужика в равноправного гражданина” [Чириков, 1931^a, с. 14], строят различные планы и программы по улучшению крестьянского благополучия. Но в своих принципиальных спорах они не замечают находящихся рядом “живых” Ивана, Никиту, Марью или Дарью и относятся к ним как к некоей “алгебраической, отвлеченной величине”, которой привыкли распоряжаться “без всяких церемоний” [Чириков, 1929^a, с. 57]. Когда же дело доходит до реализации этих планов на практике, Кудышевы не понимают, отчего крестьяне “будто бы согласны” купить вялку или начать строительство общественной бани и школы для деревенских ребят, но “все чего-то боятся”, и в итоге ни одно действительно полезное и необходимое начинание не доводится до конца.

Описываемая ситуация напоминает сюжет толстовского рассказа “Утро помещика”, в котором молодой помещик Дмитрий Николаевич Нехлюдов решил оставить университет и посвятить себя заботе “о счастье своих крестьян”. С этой целью он обходит принадлежащую ему деревню, предлагая крестьянам различные проекты по улучшению их быта и материального благосостояния. Однако вместо сочувствия с их стороны Нехлюдов встречает лишь отказ и уверения в том, что они живут хорошо и ни в чем не нуждаются. Причина же такого поведения кроется в том, что крестьяне не верят в искренность намерений барина и считают, что он просто хочет их обмануть, заставив работать и платить еще больше.

Все попытки Кудышевых “опроститься и слиться” с крестьянством терпят неудачу, поскольку в мужицком восприятии врач, агроном, учитель или статистик – точно такие же “господа”, как помещик и чиновник, не просто помешавшие Александру II отдать крестьянам всю барскую землю, но и в отместку убившие самого царя-освободителя. Поэтому любое “вторжение” интеллигентных героев в крестьянский мир рассматривается мужиками как прямая угроза их и без того тяжкому и бедственному существованию со стороны господ, которые желают восстановить крепостные порядки и компенсировать прежние убытки. И высшей точкой этой трагедии непонимания интеллигенции и крестьянства становится нападение во время эпидемии холеры озлобленной толпы мужиков и баб на санитаров и убийство одного из них, спровоцированное смертью больного деревенского мальчика, помещенного в специальный барак – в чем видели “руку” докторов.

Пытаясь найти объяснение убийству беззащитного медика, герои-интеллигенты приходят к выводу, что народ бросается на своих же “друзей” исключительно по вине правительства, которое намеренно держит крестьянство в невежестве. В ответ на что один из персонажей справедливо замечает, что “если у нас интеллигенция убивает царей, почему мужику не убить студента?” [Чириков, 1929^b, с. 93]. Главная беда русской интеллигенции, по мысли Чирикова, которую он вложил в уста другого персонажа, именно в том, что она “с путей сбилась” [Чириков, 1929^a, с. 93], ослепнув в поисках “какой-то особенной правды”, и в итоге утратила тот внутренний морально-нрав-

ственный стержень, без которого невозможно отличить добро от зла, правду от лжи. Вот почему простой народ, который “правду-то сердцем чувствует” [Чириков, 1929^а, с. 63], не верил и отказывался идти за теми, кто стремился построить справедливое и благополучное государство на крови, пусть даже это кровь царских деспотов. Однако если Толстой был уверен, что единственно верным взглядом на общественное устройство обладает как раз живущий по патриархальным обычаям крестьянин, то Чириков продемонстрировал, что всеобщий моральный распад, захвативший российское общество на рубеже веков, коснулся и крестьянства, утратившего традиционные жизненные ориентиры. И произошло это, по мысли писателя, потому, что мужик, с одной стороны, оказался одурманен большевиками, а с другой – “обольщен” и в конце концов “сбит” со своего естественного исторического пути самой интеллигенцией.

В эмиграции Чириков не устал размышлять над тем, почему русский народ последовал за большевиками, обрекая тем самым себя на гибель. В “Отчем доме” художник приходит к выводу, что В. Ленин, Вронч-Вруевич (так писатель сатирически переименовал фамилию известного большевика В. Бонч-Бруевича) и им подобные “волки в овечьей шкуре” искусно использовали в своих целях народную устремленность к правдоискательству, поскольку считали, “нет ничего легче, как надуть мужика... земель и правдой” [Чириков, 1929^б, с. 152]. Но, как показал писатель, Ленину и его окружению удалось обмануть не только народ, в котором они видели всего лишь слепую силу, которую можно нацелить на свержение “ненавистного самодержавия”, но и собственных сторонников. Поддержка Г. Плеханова и других “основоположников научного социализма” в России была выгодна Ленину только до тех пор, пока он не сумел “влезть в самый верховный центр марксизма” [Чириков, 1929^б, с. 150], воспользовавшись партийной “чехардой”, предшествовавшей II съезду РСДРП. И как только ему это удалось, Ленин начал методично и целеустремленно вытеснять оттуда прежних “рулевых” и открыто “переделывать” марксистское учение на свой лад. Рассматривая текущий исторический момент (социально-экономический кризис, Русско-японская война, всеобщее недовольство политикой самодержавия и т.д.) как канун неизбежной пролетарской революции, которую, по его мнению, следует “делать” исключительно “человеческими руками... без перчаток, галстука и крахмала” [Чириков, 1929^б, с. 151], Ленин попытался немедленно воплотить свою утопическую идею в жизнь. И на этом пути для него не было “ничего недозволенного”, “ничего святого”, “решительно ничего, о чем стоило бы пожалеть” [Чириков, 1929^б, с. 156]. По сути, перед глазами читателя предстает новый Наполеон, воспринимающий “вопрос о честности и морали” как “буржуазную белиберду” [Чириков, 1929^б, с. 151].

Рисуя этот персонаж, Чириков, несомненно, воспользовался “толстовским опытом”. В писательской интерпретации Ленин предстает как циничный, аморальный и просто кровожадный человек, готовый ради исполнения задуманного пойти на все что угодно: на обман и лесть, на провокацию и убийство. И эти качества оказываются присущи ему с юности: он то пугает окружающих призывами “взорвать на воздух царский дворец и разом уничтожить все царское отродье” [Чириков, 1929^а, с. 57], то притворяется перед университетским начальством и полицией самым законопослушным и благонамеренным студентом. Под стать внутреннему убожеству юного Ленина оказывается и его внешность: перед читателем предстает “сутуловатый юноша, с рыжими вихрами и калмыцкими глазками” [Чириков, 1929^а, с. 57], “торчащими ушами” и “бедной рыжей растительностью” на голове [Чириков, 1929^б, с. 46]. Вспомним толстовское описание внешности Наполеона, которое должно было произвести на читателя отталкивающее впечатление: “опухшее и желтое лицо”, “обросшая жирная грудь”, “жирные ляжки коротких ног” и т.д.

Однако если Толстой домыслил внешность своего героя, опираясь на документы, то Женя Чириков знал Володю Ульянова лично. Знакомство будущих писателя и вождя революции состоялось в конце 1880-х гг. в Казанском университете, откуда обоих в скором времени исключили за участие в революционной деятельности. В дальнейшем их пути разошлись: Чириков стал народником, Ленин “пошел другим путем”. Думает-

ся, однако, что писатель постоянно держал в “поле зрения” своего бывшего знакомого, все более критически воспринимая его деятельность по развалу России. В результате именно Ленин косвенно повлиял на вынужденный отъезд писателя из России в 1922 г. После Октябрьского переворота Чириков много выступал в печати и на общественных собраниях против большевиков. По семейной легенде Ленин через брата жены писателя передал Чирикову записку: “Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете” [Бобырь, 1993, с. 288].

В своей книге Чириков судит Ленина за то, что тот “перешагнул через все пороги” и пролил “море крови и реки слез”, чтобы “воссесть на трон вождя всемирного пролетариата” [Чириков, 1929^а, с. 151, 156]. Но вместе с тем писатель видел разницу между корыстными обманщиками, использующими идеи марксизма (в которых сам писатель находил и привлекательные стороны) ради выгоды и наживы, и “настоящими” марксистами, глубоко ему симпатичными, порядочными и искренними людьми. В своем романе Чириков попытался “вывести” их из-под удара незаслуженной критики, для чего изменил имена и фамилии некоторых реальных исторических лиц. Например, в образе статистика Степана Скворешникова предстал “родоначальник русского марксизма” П. Скворцов, которому, как замечает писатель, были присущи такие черты, как фанатичная преданность каждой букве “Капитала” и нетерпимость по отношению к инакомыслящим. Но категорическое отрицание Скворешниковым-Скворцовым революционного насилия в какой бы то ни было форме искупает все его недостатки и возвышает героя в глазах художника.

Внутреннее нравственное чувство для Чирикова, так же как и для Толстого, – главный критерий оценки личности. В этой связи можно вспомнить, как “прозревает” в отношении штабных генералов князь Андрей, когда видит, что во время борьбы за отечество они озабочены только своими мелкими интересами. Стремясь выслужиться, военные карьеристы вроде Л. Бенигсена, А. Ермолова, П. Коновницына и им подобных любое сражение рассматривают прежде всего как возможность “подкопаться под врага и получить лишний крестик или ленточку” [Толстой, 1980, с. 216], поэтому своими действиями они не только не содействуют общему ходу дел, но порой просто ставят судьбу России под угрозу.

В личности Скворцова Чирикову импонировало, что он был принципиальным оппонентом Ленина, не оставившим от его экономической теории, изложенной в работе “Развитие капитализма в России”, буквально камня на камне. Ленин же и его последователи (Бонч-Бруевич, Г. Зиновьев и др.), напротив, предстают настоящими двурушниками, поскольку, привлекая, к примеру, на свою сторону старообрядцев и членов других религиозных сект, руководствуются циничным соображением, согласно которому “самодержавие так тесно слито с православием, что, разрушая последнее, разрушаешь и самодержавие” [Чириков, 1929^а, с. 80].

Но если, с одной стороны, писатель видел “шаткость” русского человека, легко поддающегося на “уговоры” разных мошенников и провокаторов, то с другой – отмечал, что взаимопониманию между революционерами и народом “помогала” сама царская власть. И здесь Чириков по-толстовски беспощаден. Художник приводит в своей книге множество фактов и эпизодов непродуманной, недалекновидной, а часто и прямо ошибочной политики последнего русского императора. Характеризуя личность Николая II, Чириков с сожалением констатирует, что тот не обладал “ни твердой волею отца, ни государственным кругозором, необходимым для самодержавного властелина огромного царства” и всегда сильно зависел от своего окружения. Именно в слабости самодержца Чириков видит его главную “вину” перед историей, поскольку добрый, но беспомощный император, “к великому несчастью России, не обладал еще и даром удачного выбора помощников”. Говоря об окружении Николая II, Чириков не скрывает своей ненависти как к министрам и чиновникам, которые “не столько думали о России и народе, сколько торопились... сделать блестящую карьеру” [Чириков, 1931^а, с. 8], так и к “авантюристам самодержавия”, стремившимся получить “широкий

доступ к государственному карману” [Чириков, 1931^б, с. 202], готовым ко всему ради легкой наживы, даже ввергнуть Россию в бессмысленную войну. Когда же в 1904 г. началась война с Японией, “придворная камарилья” и другие “шайки” (писатель не жалеет хлестких слов, описывая придворный круг Николая II) принялись беззастенчиво обкрадывать собственных солдат. И воровство в частях армейского снабжения достигло столь вопиющих размеров, что (это доказано историками) стало одной из причин поражения России в Русско-японской войне.

Здесь можно вспомнить, какой резкой, обличающей критике в “Войне и мире” подвергается придворное окружение Александра I, где царят карьеризм и светские интриги, притворство и лицемерие, сплетни и пересуды. Толстой показывает, что главная цель всех поступков царедворцев вроде князя Василия Курагина и других посетителей салона Анны Павловны Шерер – только личная выгода, и ради нее они готовы льстить и угождать любому, кто, по их мнению, может принести им пользу. Так, желая заполучить хотя бы часть наследства старого графа Безухова, князь Василий “ухаживает” за Пьером (которого в действительности презирает), вводит в свой дом и женит на собственной дочери. Толстой нещадно бичует высшее общество, где за внешним лоском входящих в него людей скрывается умственная скудость и духовная пустота. Эти опустошенные души не способны испытать ни одного живого чувства, им не свойственна даже любовь к родине, которую во время наполеоновского нашествия на Россию заменяют только громкие напыщенные речи о патриотизме и долге. На практике же патриотическое чувство высшей дворянской знати проявляется лишь в отказе от французских блюд, заменой которым становятся русские щи, и французского языка как языка “захватчиков” в пользу русского, на котором говорит народ.

Правительство же Николая II “роковую” ошибку совершило, по мнению Чирикова, не доведя до конца реформу 1861 г., которая, хотя и принесла крестьянам личное освобождение, не оправдала их надежд и ожиданий, поскольку оказалась “сильно укороченной в интересах дворянства” [Чириков, 1931^а, с. 5]. О порочности такой политики свидетельствовала сама история. «Россия въезжала в ворота XX столетия с хроническими “голодными годами”, с эпидемиями, с вспыхивающими то там, то сям аграрными беспорядками» [Чириков, 1931^а, с. 7]. Однако “неразумное” дворянство не только не замечало надвигающейся грозы, но как будто стремилось повернуть колесо истории вспять, вернуть страну назад, в эпоху крепостничества, полагая, что “мужик” бунтует только оттого, что ему дали слишком много “воли”.

В авторском голосе Чирикова ясно слышатся морализаторские интонации, свойственные позднему Толстому. Вообще Чириков всегда стремился к четкому и открытому выражению своих взглядов, за что критики неоднократно упрекали его в излишнем пристрастии к публицистичности в ущерб художественности текстов. Но в “Отчем доме” авторские рассуждения и обличения “придворной камарильи”, политических интриганов, безвольного царя, поддающегося влиянию буквально каждого приближенного и т.п., не только не разрушают структуры сюжетного повествования, но, напротив, тесно с ним спаяны, напоминая философско-публицистические отступления Толстого в “Войне и мире”. Поэтому можно сделать вывод, что, предприняв обширное художественное исследование всего существовавшего в России во второй половине XIX–начале XX в. строя жизни, Чириков предложил читательской аудитории свои выводы в виде своеобразного “поучения”.

Творческое наследие Толстого – одна из наиболее ярких составляющих русской и мировой классической культуры и литературы. Миросозерцание Толстого и порожденная им колоссальная художественная и философско-религиозная публицистика получили широчайший отклик и стали фактом мирового значения в духовной жизни его эпохи благодаря своему социально-нравственному пафосу – пафосу страстного протеста против любого проявления несправедливости и насилия. Но особое место Толстой занимал в общественном сознании русской эмиграции, для которой его нравственная, антивоенная и антиреволюционная проповедь стала одним из главных предметов обсуждения и творческой рецепции. В ней прошедшие через страшные годы “русской

смуты” люди ощущали “надежду и опору”, источник духовной силы, которая помогла преодолеть пессимистические настроения, вызванные осознанием утраты Родины, и выжить в трудных, а порой и просто нечеловеческих условиях окружающей их действительности. Свой весомый вклад в этот процесс осмысления толстовского наследия внес и несправедливо забытый на родине русский писатель – Чириков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристархов* // Русские ведомости. 1889. № 335 (4 декабря).
Бобырь А.В. Вступительная статья / *Чириков Е.Н.* На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.–СПб., 1993. № 3.
Краснов П. Осенние беллетристы // Труд. 1895. Кн. 1.
Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М., 1997. Т. 1.
Михайлова М.В. Люди и звери Евгения Чирикова // *Чириков Е.Н.* Зверь из бездны. СПб., 2000.
Морозов М. Очерки новейшей литературы. СПб., 1911.
Николаев Ю. Московские ведомости. 1889. № 345 (14 декабря).
Р.Д. Современная русская литература // Неделя. 1889. № 1.
Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1.
Русская Прага, русская Ницца, русский Париж. Из дневников Бориса Лазаревского (тридцать три письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) // Диаспора. Новые материалы. Париж–СПб., 2001. Т. 1.
Спивак Р.С. И. Бунин и Л. Толстой (наблюдение над соотношением стилей). Дисс... к.ф.н. М., 1967.
Степун Ф. Встречи. М., 1998.
Струве П.Б. Статьи о Льве Толстом. София, 1921.
Струнин Д. // Русское богатство. 1890. № 4.
Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М., 1979. Т. 3; 1980. Т. 6; 1981. Т. 7; 1984. Т. 17.
Чириков Е.Н. Зверь из бездны. СПб., 2000.
Чириков Е.Н. Изгнание. М., 1913.
Чириков Е.Н. Мой роман. Париж, 1926.
Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.–СПб., 1993. № 3.
Чириков Е.Н. Отчий дом. В 5 кн. Белград, 1929^а. Кн. 1; 1929^б. Кн. 2; 1929^в. Кн. 3; 1931^а. Кн. 4; 1931^б. Кн. 5.

© А. Назарова, 2010